

Вернувшись в квартиру, Фан Юй заметил в углу дивана какой-то пакет. Заглянул внутрь — одежда. Его размер. Должно быть, подарок от Фан Циня. Странно, что в угаре последних дней он даже не обратил внимания на такую внушительную покупку.

Он самокритично усмехнулся: и стоило так изводиться?

Когда он обещал Фан Циню заехать завтра, это была чистая отговорка — завтра предстояла командировка. Вообще, пока тот отсутствовал, Фан Юй строил куда более радикальные планы: он собирался перевестись в зарубежный филиал и остаться там как минимум на пару лет.

Эта ссылка должна была стать жирной точкой, сигналом для всех, кто пытался подобраться слишком близко: прохода нет, держитесь на расстоянии.

Но теперь бежать больше не хотелось.

Он понятия не имел, чем всё закончится, но желание остаться крепло с каждым днём. Зацепиться за этот мегаполис, забитый до предела, бурлящий и шумный, потому что именно здесь жил человек, к которому его тянуло с непреодолимой силой.

Тот хоть и огрызался, выпуская когти, но Фан Юй, даже зализывая раны, ничего не мог с собой поделать. Хотелось броситься в этот омут с головой.

Ему хотелось попробовать. Избавиться от удушающей, болезненной зависимости и пойти на поводу у собственных искренних желаний. Посмотреть, как далеко они его заведут и к чему всё это приведёт.

А если ничего не выгорит... Что ж, мир велик, дорог много — никто не мешает ему умчаться в закат.

Раньше ему было плевать, где жить. Какая разница? Но теперь всё изменилось. В какой-то момент этот город перестал быть просто точкой на карте, заслонив собой все остальные места на земле. Ведь здесь оставался тот, кого он отчаянно, до боли желал.

Из-за ссадин и ушибов он не мог нормально принять душ. Фан Юй наскоро обтёрся влажным полотенцем, погасил в квартире свет и устроился на широком эркере в спальне, пытаясь дожидаться сна.

В темноте все кошки серы...

Прислонившись затылком к стене, он прикрыл глаза. Он невольно улыбнулся. А ведь Фу Цзяньси чертовски хорошо поёт. Те несколько строчек, что донеслись до него сквозь шум, звучали потрясающе. Дерзкая песня, дерзкий исполнитель.

Настоящая царственная особа — своенравная, властная и непозволительно красивая «Королева».

Во вторник прямо посреди пары у Фу Цзяньси зазвонил телефон. Какой-то неизвестный номер настырно набирал его дважды, оба раза трезвоня до упора, пока вызов не сбрасывался сам. Что за идиоты?

Вдруг в голове мелькнула мысль: сегодня же Фу Тяньюй улетает за границу.

Как только прозвенел звонок, Цзяньси подхватил учебники и вышел из аудитории. Отыскав малолюдный закуток в коридоре, он набрал Мэй Цзюня.

— Да, их группа улетает сегодня после обеда. Детали лучше у Сяо Цзю узнай, — пробасил Мэй Цзюнь.

Поняв, что от Мэй Цзюня толковой информации не добиться, Цзяньси набрал Сяо Цзю.

— Международный аэропорт, в четыре дня. Провожать нельзя. Есть вопросы — приезжай, — лаконично отрезал тот.

— В офисе в бизнес-центре? — уточнил Цзяньси.

— Да. Наберёшь, как подъедешь.

Оба не любили пустую болтовню, так что разговор тут же завершился короткими гудками.

Цзяньси уставился на экран с двумя пропущенными. Кто это был?

Он нажал на вызов.

— Алло, пары закончились? — в трубке раздался голос Фан Юя, ровный, но с отчётливыми нотками радости.

Услышав этот голос, Цзяньси почувствовал, как мочки ушей мгновенно обдало жаром, словно от слабого разряда тока. Чёрт, да сколько можно так реагировать?

— Блядь!

— Эй, полегче на поворотах. Я тебе, вообще-то, с другого конца света звоню, а ты сразу ругаешься. Обидно даже, — притворно вздохнул Фан Юй.

— Твой номер? — Цзяньси недоверчиво уставился на экран. Почему международный звонок отображается как обычный местный? — И через какой океан ты там перешагнул?

— Мой... Ты что, даже визитку мою не удосужился сохранить? — в голосе Фан Юя прорезалось неподдельное разочарование. Не дождавшись ответа, он вздохнул и продолжил: — Через Тихий. Ладно, у тебя ещё будут занятия?

— Нет. Всё, кладу трубку, — отрезал Цзяньси.

— Погоди... И тебе совсем нечего мне сказать? — в интонациях Фан Юя промелькнула робкая надежда.

— Почему же, есть, — хмыкнул Цзяньси. — Я понял, что в прошлый раз слишком слабо тебя отделал.

Из трубки донёсся тихий, бархатистый смех Фан Юя. Цзяньси тут же нажал отбой. Ещё пара секунд этого воркования, и он точно расколотит мобильник о стену.

Он замер, уставившись в пустоту. Стоит ли ехать к Фу Тяньюю?

Зачем? Проводить? Трогательно попрощаться?

Мать его, откуда взялась эта дурацкая сентиментальность?

Пока он взвешивал все «за» и «против», пальцы сами собой потянулись к уху. Поймав себя на том, что задумчиво потирает покрасневшую мочку, Цзяньси вздрогнул. По спине пробежала волна горячего пота.

Что за чертовщина? Он что, подхватил от этого извращенца какую-то заразу?

Странное, пугающе отчётливое фантомное прикосновение преследовало его последние пару дней, всплывая в памяти в самые неподходящие моменты. Цзяньси злился на себя, но поделать ничего не мог.

Чертыхнувшись, он решительно направился к крытой парковке, оседлал Да-Хэя и покатил в контору Мэй Цзюня.

Бизнес-центр находился примерно на том же расстоянии от университета, что и его дом. Уже на подъезде к высотке Цзяньси набрал номер Сяо Цзю.

— Я внизу, — коротко бросил он.

— Поднимайся, — ответил тот.

Прошлый его визит сюда закончился тем, что Фу Тяньюй с Мэй Цзюнем попытались обвести его вокруг пальца. И вот, спустя всего месяц, он снова добровольно переступает этот порог, причём на удивление спокойно.

Хотя на душе всё равно скребли кошки.

Фу Тяньюй... Человек, с которым его связывала исключительно кровь. Этот мужчина никогда пальцем о палец не ударил, чтобы его вырастить.

Слова вроде «долг», «обязанности», «воспитание» или «забота» в их случае вообще не имели смысла.

И всё же невидимые путы держали крепко, завязавшись в узел, который невозможно было распутать.

Проводить его в последний путь — и пусть катятся каждый своей дорогой.

Раз уж они вызывают друг у друга только глухую ярость, лучше держаться подальше. Он сам обрубит все связывающие их нити, раз и навсегда.

Двери лифта разъехались. На этаже его встретил тот же парень, что и в прошлый раз, но повёл совсем в другую сторону, прочь от кабинета Мэй Цзюня.

Толкнув тяжёлую дверь переговорной, Цзяньси увидел Сяо Цзю, вальяжно раскинувшегося на тёмно-сером кожаном диване. Напротив него сидел Фу Тяньюй.

— Присаживайся, — Сяо Цзю кивком указал на свободное место рядом с собой, после чего поднялся. Проходя мимо Цзяньси, он негромко, но веско предупредил: — Только без рукоприкладства.

Когда за ним закрылась дверь, в просторном кабинете остались только двое.

Цзяньси остался стоять у края дивана, даже не думая садиться. Он кожей чувствовал исходящую от отца волну чистой ненависти. Не останови его Сяо Цзю своей короткой фразой, Фу Тяньюй уже вцепился бы ему в глотку, готовый разорвать на части.

Отец выглядел истощённым, осунувшимся, но при виде сына он пришёл в ярость. Он налился кровью, на виске вздулась багровая вена, а он так сильно сжал кулаки, что побелели костяшки.

— Не думай, блядь, что если сплавил меня, то заживёшь припеваючи! — прорычал Фу Тяньюй, захлёбываясь злобой. — Хрен тебе! Раз моя жизнь покатила под откос, я и твою в ад превращу! Погоди у меня, сука!

— Семь лет на то, чтобы выплатить весь долг. С процентами, — ледяным тоном прервал его Цзяньси, равнодушно глядя на беснующегося мужчину. — Долги твои, и возвращать их будешь ты сам. А теперь исчезни. Сгинь так, чтобы я тебя больше никогда не видел... И постарайся там не сдохнуть.

Цзяньси прищурился, и в его взгляде смешались брезгливое презрение и жёсткое предупреждение.

Фу Тяньюй судорожно хватал ртом воздух. Семь лет... Да он за это время может копыта отбросить!

— Я твой отец, щенок! — просипел он, брызжа слюной.

— Не смеши меня. Для меня ты никто, — Цзяньси сохранял маску холодного безразличия. — Когда ты припёрся на Кладбище Восточных гор, дедушка тебя признал?

Раздался глухой удар — Фу Тяньюй со всей дури грохнул кулаком по столу и резко отвернулся. При упоминании покойного старика его ярость на мгновение дала трещину, обнажив жалкий, трусливый страх. Но уже через секунду он снова замахнулся, брызжа слюной:

— Проваливай! Молись, сучёныш, чтобы я не вернулся! Слышишь?! Тебе не поздоровится!

Цзяньси когда-то наткнулся на фразу, которая тогда показалась ему жутко пафосной. Наверное, просто время ещё не пришло, и у него не было нужного жизненного опыта.

«Настоящее разочарование всегда безмолвно»

Раньше при встречах с отцом он ещё выдавливал из себя дежурные ругательства или хотя бы плевал в его сторону. Сейчас же хотелось просто молчать. Жалкий, опустившийся тип перед ним не вызывал в душе ничего, кроме мёртвой пустоты. Никаких эмоций — ни злости, ни обиды.

Цзяньси развернулся и вышел. Проводник, дежуривший у двери, молча кивнул ему и сразу же зашёл в переговорную.

Выйдя на улицу, Цзяньси зажмурился от яркого света. Неподалёку лениво несла свои воды река Циньхэ. Солнце приятно грело лицо. Мимо спешили прохожие, с проезжей части доносился шуршащий гул шин и редкие гудки клаксонов, а на фасаде высотки лениво переливался огромный рекламный экран. Окружающий мир, тёплый и живой, постепенно

вытеснял из его тела тот липкий, холодный туман, что остался после разговора. Свежий воздух и солнечные лучи мягко укутали его, возвращая к жизни.

В кармане джинсов коротко звякнуло.

Цзяньси вздрогнул, выныривая из задумчивости, и не торопясь пошёл к стоянке.

На экране светилось новое сообщение:

«Французский багет. Мне придётся жрать это дерьмо целую неделю. Убейте меня кто-нибудь»

К сообщению прилагалось фото: мужская рука сжимает длинную сухую булку на размытом фоне какой-то европейской пекарни.

Цзяньси невольно усмехнулся. Кто отправитель — гадать не приходилось. Он постоял так пару секунд, пока улыбка медленно не сошла с его лица, спрятал мобильный в карман, завёл Да-Хэя и покатил обратно в университет.

<http://bllate.org/book/18325/1761995>